

ОБЪ ИЗУЧЕНІИ
ИСТОРИИ ПРОСВѢЩЕНІЯ ВООБЩЕ
И
ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУРЫ
ВЪ ОСОБЕННОСТИ.

Вл. Вл. Плотникова.

Отдельный оттискъ изъ «Филологическихъ Записокъ».

ВОРОНЕЖЪ.
Въ Типографіи В. Н. Мельва.
1889.

Дозволено Цензурой. Москва, 2 сентября, 1889 г.

ОБЪ ИЗУЧЕНИИ ИСТОРИИ ПРОСВѢЩЕНІЯ ВООБЩЕ И ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУРЫ ВЪ ОСОБЕННОСТИ.

Въ нашемъ образованномъ обществѣ есть не мало лицъ, которыя положительными науками считаютъ только науки естественныя, о наукахъ же, обыкновенно называемыхъ гуманитарными, думаютъ, что предметъ ихъ не допускаетъ строго-научнаго изслѣдованія. Руководствуясь такимъ воззрѣніемъ, многіе ставятъ гуманитарныя знанія, по ихъ научному достоинству, не говори уже объ ихъ практическомъ значеніи, ниже познаній въ естественныхъ наукахъ. Въ настоящемъ этюдѣ будетъ сдѣлана попытка рассмотретьъ, насколько этотъ взглядъ справедливъ по отношенію къ исторіи просвѣщенія вообще и исторіи литературы въ особенности.

Чтобы легче было разобраться въ занимающемъ насъ вопросѣ, не бесполезно сначала опредѣлить мѣсто названныхъ наукъ въ общей системѣ человѣческихъ знаній.

Все человѣческое знаніе развивается изъ особаго рода отношенія субъекта къ объекту. Субъектъ, т. е. человѣческій духъ, извѣстнымъ образомъ воспринимаетъ и отражаетъ въ себѣ дѣйствительность. Но познавая внѣшній міръ, человѣкъ относится и къ самому себѣ, какъ къ объекту познанія. Первое отношеніе даетъ начало наукамъ о природѣ, второе—наукамъ о человѣкѣ. Первые называютъ обыкновенно науками естественными, а вторыя—гуманитарными или гуманитарными *). Гуманитарныя науки разсматриваютъ человѣка въ совокупности его физической и психической природы. Однѣ изъ наукъ о человѣкѣ имѣютъ предметомъ его настоящее состояніе (этнографія, политическая географія, статистика, политическая экономія и др.); другія же

* Такъ называемыя соматологическія науки о человѣкѣ относятся къ первой группѣ, такъ какъ онѣ имѣютъ съ нею гораздо болѣе тѣсную связь, чѣмъ съ науками гуманитарными.

рассматриваютъ его прошедшую жизнь (историческія науки). Но въ основѣ тѣхъ и другихъ лежитъ наука, изучающая самую природу человѣка, какъ разумнаго существа (психологія). Психологія имѣетъ такое же значеніе въ области гуманитарныхъ наукъ, какое принадлежитъ физикѣ и химіи въ области наукъ о природѣ. Какъ безъ знанія физики и химіи нельзя понимать біологическихъ явленій, такъ безъ знанія психологіи нельзя понимать разумной жизни человѣка. Историческія науки, по разнымъ проявленіямъ человѣческой природы, которыя онѣ рассматриваютъ, раздѣляются на нѣсколько отраслей, каковы: исторія социально-политической жизни, исторія просвѣщенія (или умственнаго развитія), исторія искусства, исторія религиозныхъ проявленій и пр. Исторія просвѣщенія, въ свою очередь, распадается на исторію философіи, науки, литературы, общественнаго образованія и проч. Исторія литературы, такимъ образомъ, входитъ, какъ часть, въ исторію просвѣщенія, или умственнаго развитія вообще. Впрочемъ, исторія литературы имѣетъ тѣсную связь съ исторіею искусства, морали, религіи и социальной жизни. Поэтому, литература отчасти выходитъ изъ области исторіи чисто-умственнаго развитія. Но такъ какъ интеллектуальный элементъ есть господствующій какъ въ ней, такъ и въ другихъ проявленіяхъ разумной жизни человѣка, то исторію литературы можно относить, въ качествѣ составной части, къ исторіи умственнаго развитія человѣчества или къ исторіи просвѣщенія вообще.

Теперь спрашивается, въ какомъ отношеніи исторія просвѣщенія и, въ частности, исторія литературы находятся къ такъ называемымъ естественнымъ наукамъ? Прежде всего нужно замѣтить, что терминъ «естественная наука» не тождественъ съ выраженіемъ наука о природѣ (вышней). Мыслители Шотландской школы (Томасъ Ридъ, Дюгальдъ Стюартъ, Броунъ и др.), идя по слѣдамъ Бэкона и Локка, начали разрабатывать психологію, какъ науку естественную. Въ нынѣшнемъ столѣтіи Омюстъ Контъ въ своемъ «Курсѣ

положительной философии» помѣстилъ социологию для, по его терминологии, социальную физику, какъ положительную науку, завершающую собою іерархію главныхъ наукъ. Волвъ въ своемъ «Введеніи въ исторію цивилизации въ Англіи», при вѣсхъ преувеличеніяхъ и послѣднихъ обобщеніяхъ, не выдерживающихъ строгой критики, все-таки указалъ нѣкоторыя новыя плодотворныя начала для разработки исторіи культуры, какъ положительной науки. Наконецъ, въ послѣднее время, филологи провозгласили науку о языкѣ естественной наукой *). Вслѣдъ за тѣмъ тоже титуло должны были получить и другія науки, тѣсно связанныя съ наукой о языкѣ, напр. сравнительная міеологія. Изъ этихъ примѣровъ видно, что названіе естественной науки усвоится въ однимъ только наукамъ о природѣ, но и нѣкоторымъ изъ гуманитарныхъ наукъ. При такомъ употребленіи слова, этимъ названіемъ обозначается, очевидно, каждая положительная наука. Для того, чтобы кака-нибудь наука могла быть положительною, требуются два условія: во-первыхъ, чтобы явленія, разсматриваемыя въ ней были дѣйствительными, реальными фактами и, во-вторыхъ, чтобы въ ходѣ ихъ замѣчались извѣстный порядокъ и правильность, или законосообразность, на чемъ, какъ извѣстно, основывается примѣненіе индуктивнаго метода. Представляютъ ли эти два условія исторія просвѣщенія и, въ частности, исторія литературы?

Явленія, изслѣдуемыя въ этихъ наукахъ, суть явленія психическія, извѣстнымъ образомъ выраженыя повнѣ. Явленія эти въ своемъ генезисѣ субъективны, потому что они возникаютъ въ субъектѣ, или человеческомъ духѣ, а въ своемъ вѣншнемъ выраженіи объективны, потому что получаютъ существованіе отдѣльное отъ субъекта, въ которомъ они возникли; но въ томъ и другомъ случаѣ они такъ же реальны, какъ и любое изъ явленій, изслѣдуемыхъ физикомъ, химикомъ или физіологомъ. Впрочемъ, и въ самомъ генезисѣ своемъ интел-

*) См. «Лекціи по наукѣ о языкѣ» Майса-Мюллера. СПб.

лектуальныя и вообще психическія явленія имѣютъ объективную сторону, именно каждому психическому явленію съ вѣшной, физической стороны соответствуетъ известное молекулярное движеніе въ массѣ мозговой субстанции. Эти движенія мозгового вещества совершаются по законамъ механическаго движенія и имѣютъ совершенно объективный характеръ. Что же касается до вѣшняго выраженія умственной жизни человѣка, то имъ служатъ мускульная дѣятельность, въ частности: во-первыхъ, дѣйствія и поступки людей, во-вторыхъ, членораздѣльные звуки, или слова и, въ-третьихъ, обозначеніе словъ условными знаками на письмѣ. Процессъ рѣчи и обозначенія ея письменными знаками представляетъ одинъ изъ видовъ мускульной дѣятельности человѣка, но продукты этой дѣятельности, т. е. членораздѣльные звуковыя сочетанія и письменныя ихъ обозначенія, получаютъ существованіе отдѣльное отъ человѣка, которымъ они произведены. Въ той и другой своей формѣ, т. е. въ формѣ мускульной дѣятельности и въ формѣ звуковъ и письменъ, вѣшнее выраженіе душевной жизни человѣка вполнѣ объективно, потому что оно осуществляется посредствомъ матеріи и по законамъ механическаго движенія. Правда, прошлыя дѣйствія и слова людей теперь уже не существуютъ, но поэтому еще нельзя отвергать ихъ реальности. Они сохраняются въ памяти человечества посредствомъ устнаго преданія и письменнаго обозначенія. Кромѣ того, дѣйствія, мысли и слова прежнихъ людей имѣли такое или иное вліяніе на жизнь послѣдующихъ поколѣній, подобно тому, какъ прежнія растенія и животныя хотя и исчезли, разложились на свои составные элементы, но произвели прямое вліяніе на послѣдующія органическія образованія, которыя унаслѣдовали отъ нихъ родовыя типы, видовыя разницы и часто даже индивидуальныя особенности. Законъ сохраненія силы, господствующій въ физическомъ мірѣ, имѣетъ мѣсто и въ средѣ интеллектуальной жизни. Какъ ни одинъ атомъ вещества не уничтожается, и ни одно движеніе не пропадаетъ безъ слѣда, во въ той или

другой формѣ продолжаетъ существовать и при томъ всегда въ эквивалентныхъ отношеніяхъ, такъ ни одно интеллектуальное и вообще психическое явленіе не исчезаетъ совершенно, но въ той или иной формѣ, въ той или иной ассоціаціи продолжаетъ существовать и имѣетъ известное значеніе въ общемъ умственномъ прогрессѣ человѣчества, сообразно съ своимъ спеціальнымъ содержаніемъ и характеромъ. Такимъ образомъ, явленія умственной жизни человѣка, по своему происхожденію и характеру существенно отличающіяся отъ механическихъ, физико-химическихъ и біологическихъ явленій, имѣютъ такое же, какъ и они, объективно-реальное значеніе.

Относительно гуманитарныхъ наукъ существуетъ мнѣніе, что явленія, изучаемыя ими, не могутъ быть подведены подъ опредѣленные законы и что поэтому они не могутъ быть предметомъ положительнаго изслѣдованія. Мнѣніе это основывается на наблюденіяхъ надъ даннымъ эмпирическимъ состояніемъ названныхъ наукъ, но оно не оправдывается самою природою изслѣдуемыхъ ими фактовъ. Правда, факты, изслѣдуемые въ этихъ наукахъ, чрезвычайно сложны, и открытіе законовъ, по которымъ они совершаются, представляетъ большія трудности, но все-таки эти трудности не непреодолимы. Явленія умственной жизни представляютъ такія же постоянныя и опредѣленныя отношенія причинной связи, какія усматриваются и въ другихъ сферахъ жизни.

Умственная жизнь и дѣятельность каждаго народа въ ходѣ своего развитія подчинена общимъ психологическимъ законамъ, какіе обнаруживаются въ умственной дѣятельности каждаго отдѣльнаго человѣка. Дѣятельность эта складывается изъ двухъ главныхъ моментовъ: во-первыхъ, изъ воздѣйствія объекта, или вѣшняго міра, на субъектъ, или человѣчeskій духъ и, во-вторыхъ, изъ реакціи субъекта на воспринятое имъ впечатлѣніе отъ вѣшняго міра. Первый моментъ доставляетъ матеріалъ для умственныхъ операцій; второй представляетъ самостоятельную переработку этого матеріала со стороны духа, рефлектирующаго на свои внутреннія состоянія,

возбужденіи въ немъ по поводу внѣшнихъ явленій. Отсюда ясно, что умственная и вообще душевная дѣятельность человѣка весьма много зависитъ отъ той среды, которая служитъ для него предметомъ наблюденія и которая, слѣдовательно, доставляетъ ему матеріаль для умственныхъ операцій. Общую основу этой зависимости можно опредѣлить слѣдующимъ образомъ. Какъ сказано выше, познавательная дѣятельность человѣка состоитъ изъ взаимодействій между объектомъ и субъектомъ. Но всякая конечная реальность обнаруживается лишь въ формахъ пространства и времени. Поэтому, и умственное развитіе человѣка должно подлежать этимъ формамъ, въ которыхъ оно не можетъ имѣть мѣста. Этой связью умственной дѣятельности человѣка съ объективно-субъективными формами пространства и времени и опредѣляется зависимость ея отъ условій жизни того или другаго народа. Такимъ образомъ, умственное развитіе народа поставлено въ двоякаго рода отношенія: во-первыхъ, пространственныя и, во-вторыхъ, временныя. Отсюда условія жизни народа могутъ быть подведены подъ двѣ главныя категоріи: 1) природа, обусловленная пространственными отношеніями, и 2) культура, т. е. общій уровень гражданственности народа, обусловленный съ одной стороны пространственными, а съ другой, и главнымъ образомъ, временными отношеніями. Первая категорія условій жизни народа даетъ начало слѣдующимъ частнымъ условіямъ: а) климатъ, б) почва, в) флора и фауна, д) устройство поверхности, е) орошеніе и ф) особенности границъ страны. Хотя всѣ эти различныя стороны природы тѣсно связаны между собою и обуславливаютъ одна другую, но для отчетливости изложенія предмета рассмотримъ каждую изъ нихъ отдѣльно.

Что касается климатическихъ условій, то они влияют на умственное развитіе человѣка прежде всего въ томъ отношеніи, что могутъ ему препятствовать или содѣйствовать. Известно, что въ сильные жары мысль человѣка не можетъ надлежащимъ образомъ работать. Отъ этого происходитъ то явленіе, что жаркій климатъ

дѣйствуетъ на умственную жизнь человѣка расслабляющимъ образомъ. Съ другой стороны, человѣкъ не можетъ надлежащимъ образомъ совершать свои умственные отравленія и въ слишкомъ холодномъ климатѣ, такъ какъ излишній холодъ парализуетъ правильное теченіе мыслей *). Кроме того, въ тѣхъ странахъ, гдѣ большую часть года бываютъ жестокіе морозы, человѣку предстоитъ слишкомъ много заботъ о сохраненіи своей жизни; тутъ ему уже не до высшихъ умственныхъ интересовъ. Только въ умѣренномъ климатѣ человѣкъ можетъ сохранять надлежащую умственную энергію и бодрость, которыя такъ необходимы ему для жизни вообще и для познавательной дѣятельности въ частности. Такимъ образомъ, умѣренный климатъ представляетъ наиболѣе удобныя условія для умственнаго развитія человѣка. Далѣе, климатъ можетъ оказывать еще влияние на самое содержаніе мысли человѣка. Напримѣръ, рѣзкія противоположности въ климатѣ, каковы — невыносимый жаръ днемъ и сильный холодъ ночью, благотворное влияние солнца и опустошительные вѣтры пустыни и тому подобныя противоположности внушаютъ народу дуалистическое воззрѣніе на міръ, какъ это было, напримѣръ, въ Иранѣ**).

Не въ менѣе значительной степени, чѣмъ отъ климата, умственная жизнь народа зависитъ и отъ почвы страны. Въ отношеніи почвы обратимъ вниманіе прежде всего на ея плодородіе или бесплодность. Почва служитъ главнымъ источникомъ естественнаго богатства или бѣдности народа. Богатство же или бѣдность прямо и непосредственно вліяютъ на интеллектуальное развитіе этого народа. Чтобы у даннаго народа явились возможность и охота къ свободному изслѣдованію природы и вообще къ умственному труду, для этого ему необходимъ досугъ. Досугъ открывается для человѣка тогда, когда онъ свободенъ отъ необходимости заботиться объ удо-

*) Боуль, *Исторія цивилизаціи въ Англіи*, стр. 48.

***) Weber. *Allgemeine Geschichte*, S. 331—332.

влетвореніи своихъ первыхъ и настоятельнѣйшихъ потребностей, именно потребностей тѣлесныхъ. Но такая свобода возможна въ томъ случаѣ, если естественныя богатства страны настолько велики, что добываемое количество продуктовъ превышаетъ наличныя потребности народа. Этимъ обстоятельствомъ обусловливается то явленіе, что философія и наука прежде всего появляются и развитіе развиваются въ странахъ, почва которыхъ отличается плодородіемъ. Напротивъ, тѣ народы, которые населяютъ мѣстности со скудною отъ природы почвою, никогда не производятъ замѣчательныхъ философскихъ ученій; они слишкомъ мало имѣютъ времени для того, чтобы предаться умственному труду*). Въ тѣсной связи съ климатомъ и почвою страны находятся ея фауна и флора. На плодородной почвѣ въ тропическомъ климатѣ развивается богатая и разнообразная растительность; съ растительностью тѣсно связана и жизнь животнаго царства. Роскошныя произведенія растительнаго царства, мощныя и колоссальныя животныя должны, безъ сомнѣнія, производить сильное впечатлѣніе на душу человѣка. Подобныя явленія дѣйствуютъ большею частью на чувство зрѣнія; зрительныя же ощущенія доставляютъ главнѣйшій матеріалъ для дѣятельности воображенія и фантазіи. Отсюда повятно, что тропическая флора и фауна должны преимущественно развивать въ человѣкѣ дѣятельность фантазіи, въ ущербъ дѣятельности разсудка. Въ жаркомъ климатѣ водятся огромныя и опасныя для человѣка животныя, каковы, на примѣръ, львы, тигры, крокодилы, удавы и прочія. Подобныя животныя должны внушать человѣку, находящемуся на низкой ступени развитія, суевѣрный страхъ къ себѣ и этимъ самымъ подавляютъ его свободное отношеніе къ природѣ, какъ къ предмету его наблюденія и изученія. Страхъ предъ явленіями природы, безъ сомнѣнія, не можетъ не про-

*) Вояль — Исторія цивилизаціи въ Азіи. Переводъ Буйницкаго и Пенарокова. СПб. 1862. Т. 1, ч. II, стр. 46—47, 50—55.

изводитъ вреднаго вліянія на развитіе умственной дѣятельности, которая требуетъ отъ размышляющаго субъекта возможно большей безпристрастности, возможно болѣе объективнаго отношенія къ природѣ. Такимъ образомъ флора и фауна тропическихъ странъ производятъ неблагоприятное вліяніе на умственное развитіе человѣка въ двухъ отношеніяхъ: во-первыхъ, онѣ чрезмѣрно развиваютъ фантазію въ человѣкѣ, въ ущербъ разсудочной дѣятельности, продуктомъ которой являются философія и наука; во-вторыхъ, онѣ дѣйствуютъ подавляющимъ образомъ на самую разсудочную дѣятельность человѣка, затемняя и задерживая ее суевѣрнымъ страхомъ предъ явленіями природы. Но если тропики представляють мало благоприятныхъ условій для интеллектуальнаго развитія людей, то еще менѣе благоприятствуютъ ему полярныя и близкія къ нимъ страны. Здѣсь флора и фауна такъ однообразны, такъ бѣдны и незначительны, что не могутъ обратить на себя надлежащаго вниманія человѣка и не могутъ развивать въ немъ наблюдательности, которая очень важна для умственной дѣятельности. Поэтому, философія, наука и литература не могутъ развиваться въ слишкомъ холодныхъ странахъ, уже вслѣдствіе того одного обстоятельства, что въ нихъ флора и фауна незначительны, хотя бы другія условія жизни и не парализовали ихъ развитія здѣсь. Умѣренныя страны и въ этомъ отношеніи представляютъ всѣ условія для успешной умственной дѣятельности. Здѣсь флора и фауна не настолько поразительны, чтобы вести къ излишнему развитію фантазіи, но они и не такъ бѣдны, чтобы не могли доставлять человѣку потребнаго для развитія его наблюдательности матеріала. Съ другой стороны, хотя животныя въ странахъ съ умѣреннымъ климатомъ также бывають иногда опасны для человѣка, однако они не настолько сильны, чтобы онѣ не могъ побѣждать ихъ и не такъ опасны, чтобы внушить ему суевѣрный страхъ къ себѣ. Вотъ почему зоологія вообще весьма мало развита была въ умѣренныхъ странахъ и вполнѣ развивалась только въ странахъ жаркихъ.

Аналогичное съ дѣйствиємъ фауны и флоры вліяніе на умственную жизнь народа производитъ устройство поверхности страны. Въ этомъ отношеніи весьма важно, — гориста ли мѣстность, населяемая извѣстнымъ народомъ, или же она представляетъ равнину и т. д. Огромныя горы, раздѣляемыя по мѣстамъ долинами и ущельями, придаютъ чрезвычайное разнообразіе общему виду природы. Всякое вообще разнообразіе не позволяетъ человѣку исключительно сосредоточить свое вниманіе на одномъ какомъ-нибудь предметѣ, но заставляетъ его уми отъ одного предмета переходить къ другому. Отсюда гористыя мѣстности, дѣйствуя своими величественными картинами преимущественно на воображеніе человѣка, мало содѣйствуютъ выработкѣ въ немъ способности сосредоточенія мышленія на одномъ предметѣ. Поэтому, въ странахъ, отличающихся колоссальностью своихъ горъ, природа представляетъ мало благоприятныхъ условий для развитія отвлеченной мысли. Совершенно противоположное вліяніе оказываютъ на умъ человѣка равнины. Здѣсь ничто особенно не развлекаетъ ума, не даетъ глазамъ человѣка разбѣгаться по разнымъ предметамъ, ничто, однимъ словомъ, не даетъ уму повода разсыпаться и потеряться въ разнообразіи явленій. Напротивъ, однообразіе равнинъ содѣйствуетъ сосредоточенію мысли человѣка на одномъ какомъ-нибудь предметѣ. Живя на равнинѣ, человѣкъ можетъ легко ориентироваться въ наблюденіяхъ, которыя онъ дѣлаетъ надъ природою. Отсутствие рѣзкихъ контрастовъ въ природѣ, ровность почвы, сравнительное однообразіе видовъ, все это не можетъ не вліять на человѣка, дѣлая его характеръ ровнымъ, спокойнымъ, чуждымъ страстности. Поэтому, въ жителяхъ равнинъ обыкновенно болѣе бываетъ развитъ разумъ, чѣмъ воображеніе. Отсюда понятво, что умственная культура скорѣе можетъ развиваться на равнинахъ, чѣмъ въ горахъ, предполагая, разумѣется, одинаковость всѣхъ прочихъ условий жизни. Впрочемъ, небольшія горы, разнообразящія общій видъ страны, могутъ только сообщить болѣе живость ха-

рактору народа, не препятствуя его умственной дѣятельности. Немаловажное вліяніе на развитіе духовной культуры имѣетъ также и орошеніе. Если орошеніе достаточно, то въ странѣ, обладающей плодородною почвою и здоровымъ климатомъ, можетъ развиваться осыдлая гражданственная жизнь, стало быть, можетъ развиваться и умственная дѣятельность. Напротивъ, гдѣ орошеніе неудовлетворительно, тамъ населеніе отъ природы предназначено къ кочевой жизни. Такъ, напримѣръ, въ Аравіи, гдѣ, какъ извѣстно, многія маленькія рѣчки и ручьи лѣтомъ пересыхаютъ, вслѣдствіе чего гибнетъ и растительность въ этихъ мѣстахъ, жители (за исключеніемъ живущихъ въ такъ называемой счастливой Аравіи или Іеменѣ) принуждены бывають переходить со своими стадами изъ одной мѣстности въ другую. Не удивительно, что въ подобныхъ странахъ мало благоприятныхъ условій для научной и литературной дѣятельностей, которыя предполагають уже довольно высокую степень культурнаго состоянія. Орошеніе можетъ имѣть еще и другаго рода вліяніе на развитіе просвѣщенія. Судходныя рѣки, какъ извѣстно, составляютъ одно изъ лучшихъ средствъ сообщенія между людьми; эти естественныя пути очень много облегчаютъ обмѣнъ и распространеніе идей и вообще цивилизаціи между различными народами. Понятно, что народы, страны которыхъ орошаются большими судходными рѣками, скорѣе достигаютъ высокой степени культурнаго развитія, обладаютъ большею суммой познаній и несравненно болѣе широкимъ умственнымъ кругозоромъ, чѣмъ націи, находящіяся въ этомъ отношеніи въ менѣе благоприятныхъ условіяхъ. Поэтому, въ странахъ, которыя соединены большими рѣками съ другими, болѣе или менѣе просвѣщенными, странами, умственная дѣятельность развивается разностороннѣе и глубже. Почти такое же вліяніе оказывають на интеллектуальное развитіе приморское положеніе страны, содѣйствующее сношеніямъ націи съ образованными народами и, слѣдовательно, ея умственному и вообще культурному развитію. Сверхъ

того, приморское положеніе страны имѣть значеніе для умственной дѣятельности народа еще въ томъ отношеніи, что способствуетъ развитію торговли, доставляющей ему богатство, которымъ обусловливается досугъ, необходимый для развитія научной, философской и литературной дѣятельности. «Греческія Колоніи», говоритъ Куаенъ, — «опередили континентъ въ развитіи вкуса и культуры, потому что мореплаваніе и торговля рано обогатили ихъ и создали для извѣстнаго числа людей досугъ, который порождаетъ любознательность и новыя потребности, кромѣ нуждъ обыденной жизни» *). Напротивъ, континентальныя страны, особенно, отдѣленные отъ другихъ странъ горными хребтами или огромными пустынями, представляютъ мало условій, благоприятствующихъ развитію интеллектуальной дѣятельности народа. Если въ изолированному естественными преградами положенію страны присоединяется еще то обстоятельство, что естественныя произведенія страны вполне удовлетворяютъ всѣмъ потребностямъ народонаселенія, такъ что въ экономическомъ отношеніи ему нѣтъ никакой нужды въ сношеніяхъ съ иноземными народами, то нація, населяющая подобную страну, обыкновенно дѣлается недоступной для постороннихъ вліяній, замкнутой въ своей исключительной сферѣ мѣстныхъ интересовъ. Интеллектуальная дѣятельность такого народа, очевидно, не можетъ не отличаться крайнею односторонностью направленія и узкостью своего содержанія. — Вообще географическое положеніе и границы страны, — населенной извѣстнымъ народомъ, имѣютъ весьма большое значеніе въ исторіи его умственнаго развитія. Философія, наука и литература этого народа будутъ скорѣе подчиняться вліянію культуры соседнихъ съ нимъ народовъ, чѣмъ народовъ отдаленныхъ.

Кромѣ указанныхъ вами общихъ фактовъ, выражающихъ вліяніе физико-географическихъ условій жизни

*) Cousin. Introduction à l'histoire de la philosophie. 1836. Bruxelles. p. 103.

человѣка на его умственную дѣятельность, есть и другія, не менѣе важныя, стороны въ разсматриваемомъ предметѣ. Условія эти не только благоприятствуютъ или препятствуютъ умственной жизни и дѣятельности человѣка, но еще извѣстнымъ образомъ опредѣляютъ ея характеръ, содержаніе и направленіе. Такъ, напримѣръ, въ литературѣ народа должна будетъ отразиться природа страны, въ которой онъ живетъ, со всѣми ея особенностями. Вообще содержаніе и характеръ литературы каждаго народа въ значительной степени опредѣляются географическими условіями, въ какія бываетъ поставлена жизнь его. Изслѣдованіе вліяній, оказываемыхъ природой на психическую жизнь народовъ, входитъ въ задачу особой специальной науки, носящей названіе народнои психологіи (*Völkerpsychologie*). Можно надѣяться, что эта наука современемъ опредѣлитъ и точно оформитъ тѣ постоянныя и опредѣленныя отношенія, въ каковыхъ умственная жизнь человѣчества находится ко вѣщнымъ, географическимъ ея условіямъ. Это опредѣленіе имѣло бы весьма большое значеніе для исторіи литературы. Но хотя умственная жизнь и дѣятельность человѣка зависятъ отъ физическихъ агентовъ, однако вліяніе ихъ болѣе или менѣе замѣтно и значительно только въ ранніе періоды культурнаго развитія. Чѣмъ болѣе развивается и крѣпнеть человѣчскій умъ, тѣмъ болѣе онъ приобретаетъ внутренней устойчивости и силы, тѣмъ менѣе онъ подчиняется вѣщнымъ, постороннимъ вліяніямъ; другими словами, вліяніе физическихъ условій на умственную жизнь человѣка обратно пропорціонально продолжительности умственнаго развитія извѣстнаго народа: чѣмъ выше интеллектуальная культура народа, тѣмъ менѣе она зависитъ отъ природы, и наоборотъ. Да и вообще вліяніе природы на умственную дѣятельность не слѣдуетъ считать слишкомъ уже великимъ и давать ему особенно большое значеніе въ исторической жизни, какъ это сдѣлалъ, напримѣръ, Монтескьё. Ошибки, въ которыя впалъ Монтескьё—двоюгаго рода: прежде всего онъ не различаетъ между прямымъ

и косвеннымъ вліаніемъ физическихъ причинъ, между тѣмъ какъ это различіе существенно важно. Прямое или непосредственное вліаніе климата, почвы и вообще природы страны, по словамъ Flint'a, нужно считать слабымъ (*faible*) и во всякомъ случаѣ неяснымъ и неопредѣленнымъ (*very obscure*) *). Косвенное вліаніе физическихъ агентовъ, т. е. вліаніе, которое они производятъ на состояніе просвѣщенія черезъ посредство социальныхъ потребностей и дѣятельностей, очень велико. Указанная ошибка тѣсно связана съ другою. Прямое вліаніе физическихъ агентовъ должно быть необходимымъ, роковымъ для человѣка дѣйствіемъ, которое не зависитъ отъ его воли, и передъ которымъ онъ совершенно безсиленъ, вполне пассивно подчиняясь ему. Косвенное вліаніе, напротивъ, предполагаетъ реакцію со стороны человѣка, дѣятельное отношеніе его къ нуждамъ, какія возбуждаетъ это вліаніе. Поэтому, смѣшеніе двухъ различныхъ формъ вліаній природы должно ставить подъ сомнѣніе великій фактъ человѣческой свободы. Этого упрека можетъ быть сдѣланъ и Боклю. Кузенъ, въ своемъ «Введеніи въ исторію философіи», старается оправдать взглядъ Монтескье на отношеніе физическихъ агентовъ къ исторіи. Но возрѣвше самого Кузена на этотъ предметъ не выдерживаетъ критики. Его слова: «Дайте мнѣ карту страны, ея наружный видъ, ея климатъ, ея воды, ея вѣтры и всю ея физическую географію; дайте мнѣ ея естественныя произведенія, ея флору, ея зоологію и т. д., и я обязуюсь сказать вамъ *a priori*, каковъ будетъ человѣкъ въ этой странѣ, какую роль эта страна будетъ играть въ исторіи, не случайно, но необходимо, не въ одну какую-нибудь эпоху, но во всѣ, наконецъ, какую идею она предназначена осуществить» **)—эти слова нужно признать преувеличеніемъ, по справедливому замѣчанію Flint'a, который основательно разобралъ историко-философскую

*) Flint. The philosophy of history in Europe. Edinburg and London. 1874. P. 103.

**) Cousin Op. cit. p. 232—233.

теорію Кузена. Вообще впливіе природы на умственное развитіе чловѣка не безусловно, но относительно; оно только содѣйствуетъ или препятствуетъ развитію интеллектуальной культуры съ тѣмъ или другимъ характеромъ въ данной странѣ, но не вызываетъ её.

Другая категорія условій жизни народа, которая выше была обозначена нами однимъ словомъ культура, касается важнѣйшихъ странъ культурнаго состоянія. Сюда относятся: а) общій уровень научныхъ познаній народа, б) религія, с) государственная и вообще социальная жизнь народа и д) политическія отношенія. Особенности культуры каждаго народа очень много зависятъ отъ его національнаго характера; поэтому, представляется нужнымъ сначала разсмотрѣть зависимость умственной жизни народа отъ его національнаго характера.

Въ этой части трактата мы будемъ имѣть въ виду главнымъ образомъ философію, какъ одно изъ самыхъ выдающихся проявленій интеллектуальной жизни и дѣятельности чловѣка. Но само собою понятно, что многія изъ обобщеній, которыя будутъ при этомъ изложены, *mutatis mutandis*, приимимы и къ другимъ проявленіямъ умственной жизни: наукѣ, литературѣ и пр. Особенности народнаго характера болѣе всего обуславливаются природою страны. Поэтому, національный характеръ въ ряду условій народной жизни занимаетъ средину между природою страны и культурой народа. Народная психологія выработала уже положеніе, что каждому народу можетъ быть по-преимуществу свойственъ какой-нибудь одинъ темпераментъ. Темпераментъ же народа въ сильной степени вліяетъ на развитіе у него интеллектуальной культуры съ такимъ или инымъ характеромъ. Напримѣръ, философія отвлеченнаго характера, особенно идеализмъ, скорѣе и болѣе всего можетъ развиваться у народовъ темперамента меланхолическаго и флегматическаго. Эмпирическая же философія, привязанная болѣе къ непосредственному чувственному бытію, основывающаяся на прямыхъ данныхъ опыта, можетъ скорѣе развиваться у народовъ съ холерическимъ

и сангвиническимъ темпераментомъ. Конечно, нельзя положить точныхъ границъ между разными темпераментами, почти никогда не встрѣчающимися въ жизни въ чистомъ видѣ и почти всегда находящимися въ смѣшеніи одинъ съ другимъ; однако же можно указать на нѣкоторые народы, какъ на представителей особаго рода темпераментовъ, и обозначить связь и соотношеніе между характеромъ этихъ народовъ и ихъ философіею. Такъ, нѣмцамъ, особенно въ Нижней Германіи, болѣе свойственъ флегматическій темпераментъ, обусловленный характеромъ ихъ страны. Флегматизмъ позволяетъ имъ съ большимъ равнодушіемъ и спокойствіемъ, сравнительно съ другими народами, относиться къ непосредственной дѣйствительности, предрасполагаетъ ихъ къ выработкѣ отвлеченнаго воззрѣнія на міръ, дѣлаетъ ихъ особенно склонными видѣть за измѣнчивымъ и случайнымъ бытіе постоянное и неизмѣнное, въ частномъ находить общее, въ мимолетныхъ феноменахъ жизни усматривать проявленія бытія абсолютнаго. Вотъ почему Германія— по преимуществу—страна идеалистической философій. Напротивъ, французы, эти сангвиники хх^т вѣку, создали философію, преимущественно основанную на опытѣ. Правда, французъ Декартъ положилъ начало новому идеализму, но, во-первыхъ, его философія не исключительно продуктъ условій французской жизни, а, во-вторыхъ, будучи отцомъ идеализма, Декартъ въ то же время первый выставилъ механической принципъ въ философій и началъ механически, исключительно изъ движенія, объяснять всѣ явленія въ физическомъ мірѣ. Уже тутъ видны задатки развитія въ будущемъ философій, въ основу которой положены математика и физика. Англичане, въ отношеніи темперамента, представляютъ нѣчто отличное какъ отъ французовъ, такъ и отъ нѣмцевъ; ихъ снѣпаный холерико-меланхолическій темпераментъ служитъ причиною того обстоятельства, что ихъ нельзя назвать ни односторонними эмпиристами, ни идеалистами; эмпирическая философія у нихъ мѣрится съ метафизикою.

Но какъ ни сильно зависитъ философія отъ народнаго характера, однако не менѣе вліяетъ на нее и общій уровень научныхъ познаній народа. Философія, въ ея истинномъ значеніи, должна быть высшимъ синтезомъ, объединеніемъ и обобщеніемъ данныхъ всѣхъ наукъ вообще; она должна гармонически сочетать всѣ эти данныя въ одной стройной системѣ знанія, соединить ихъ въ высшемъ единствѣ немногихъ, органически связанныхъ между собою принциповъ и такимъ образомъ дать человѣку возможно болѣе цѣлостное, осмысленное, стройное и законченное въ себѣ воззрѣніе на міръ и на самого себя. Отсюда ясно, что философія тѣсно связана съ общимъ состояніемъ наукъ. Чѣмъ болѣе разработаны частныя науки, тѣмъ совершеннѣе философія, и наоборотъ. Нѣтъ надобности далѣе развивать эту мысль: вся исторія философіи можетъ служить ея подтвержденіемъ.

Если философія въ такой степени зависитъ отъ общаго развитія наукъ, то, съ другой стороны, она весьма много зависитъ и отъ религіи народа. Конечно, всякая естественная религія, какъ система идей, постепенно развивающихся, въ своей теоретической части есть уже философія въ широкомъ смыслѣ слова. Поэтому, здѣсь имѣются въ виду только положительныя религіи, проповѣданныя въ извѣстное время какимъ-нибудь историческимъ лицомъ или нѣсколькими лицами. Сюда относятся откровенная религія и такія естественныя религіи, какъ буддизмъ и магометанство. Религіозныя идеи, господствующія въ извѣстной странѣ, сильно вліяютъ и на развивающуюся въ ней философію, если только послѣдняя не отрывается совершенно отъ религіи. Такъ, благодаря вліянію религіи, въ область философской литературы входятъ иногда разсужденія о такихъ предметахъ, какъ Богъ, церковь, Боговоплощеніе, искупленіе и проч. Въ доказательство можно указать, напр., на философію Лейбница (особенно въ его «Теодіецѣ»), на сочиненія Канта, Гегеля и друг.

Отъ государственнаго и вообще соціальнаго быта народа умственное развитіе послѣдняго зависитъ въ томъ отношеніи, что оное благопріятствуетъ свободѣ мысли или подавляетъ ее. Свобода же мысли составляетъ одно изъ существенныхъ условій успѣшнаго развитія умственной дѣятельности. Примѣръ вреднаго вліянія соціальныхъ порядковъ на умственную дѣятельность можно видѣть въ исторіи государствъ съ рѣзко опредѣленнымъ кастовымъ устройствомъ, которое каждый классъ народа заставляетъ непременно заниматься одною какою-нибудь отраслью труда, закрывая для него всякій другой трудъ. Такъ было, на примѣръ, въ Индіи и въ Египтѣ. Примѣръ благотворнаго вліянія соціальныхъ условій жизни народа на умственное развитіе послѣдняго виденъ въ исторіи особенно Греціи, гдѣ принципъ индивидуальной свободы былъ проведенъ гораздо шире, чѣмъ гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ. Въ этомъ отношеніи замѣчательны слова англійскаго историка философіи Блеки (Blakey): «гдѣ свобода служитъ основаніемъ общественной жизни и гдѣ народъ имѣетъ возвышенные понятія о своихъ правахъ и обязанностяхъ, тамъ непременно должно оказываться процвѣтаніе здравой философіи духа. Вся исторія Греціи служитъ поразительнымъ доказательствомъ этого положенія» *). Но и помимо такого общаго вліянія, соціальныя условія жизни народа могутъ имѣть и болѣе близкое вліяніе на интеллектуальную культуру, т. е. могутъ опредѣлять собою самое ея содержаніе. Какъ на примѣръ такого рода зависимости умственной дѣятельности отъ условій общественной жизни, можно указать на софистику, получившую такое сильное развитіе передъ временемъ появленія Сократовой философіи и бывшую въ силѣ при жизни самого Сократа и его учениковъ. Въ то время, т. е. въ эпоху Пелопонезской войны, Аѳинская демократія достигла высшей степени своего могущества, и

*) Blakey. History of the philosophy of mind. Vol. I, 1830. London. P. 8.

уже успѣлъ обнаружиться весь вредъ народнаго своево-
лія, не сдерживаемаго ничѣмъ. Борьба политическихъ
парцій, разгаръ народныхъ страстей, проявленія често-
любія и властолюбія, все это было прямымъ слѣдстви-
емъ и обнаруженіемъ общаго направленія Аѳинской
общественной жизни того времени. Времена Аристиды
и Мильтіада тогда уже прошли. Теперь почти исклю-
чительнымъ мотивомъ общественной и личной жизни
сдѣлался эгоизмъ; на первомъ планѣ у всякаго сто-
яло свое я, свои собственные, личные интересы. Уди-
вительно-ли послѣ этого, что положеніе Протагора: «че-
ловѣкъ есть мѣра всѣхъ вещей», было основнымъ прин-
ципомъ софистики, служившей полнымъ выраженіемъ
своего времени?

Подобное же вліяніе оказываютъ на философію и
политическія отношенія народа. Изъ опыта исторія из-
вѣстно, что когда государственное и политическое со-
стояніе страны бываетъ такъ неудовлетворительно и
печально, что не подаетъ никакихъ надеждъ на поправ-
леніе дѣлъ, то лучшіе умы, недовольные дѣйствитель-
ностью, отвертываются отъ нея и сосредоточиваются
въ себя самихъ, замыкаются въ тѣсномъ кругѣ своей
личной жизни. Въ подобныхъ случаяхъ интеллигентные
люди, не находя для своихъ стремленій къ истинѣ бла-
гоприятныхъ условій во-вне, естественно «ограничива-
ются сами собою, своею личною дѣятельностью, зани-
маясь попеченіями о собственномъ духѣ, объ усовер-
шенствованіи субъективнаго мышленія и хотѣнія, и
чѣмъ неудовлетворительнѣе внѣшнія обстоятельства,
тѣмъ исключительнѣе должны искать опоры для себя
въ собственномъ сознаніи» *). Продуктомъ такого рода
направленія умственной жизни является въ философіи
крайній субъективизмъ и идеализмъ. Такъ, послѣ смерти
Александра Македонскаго, когда государственная и по-

*) Новицкій. Постепенное развитіе древнихъ философ-
скихъ ученій въ связи съ развитіемъ языческихъ вѣрованій.
1860. Кіевъ. Стр. 165.

литическая жизнь грековъ представляла неутѣшительное зрѣлище нескончаемыхъ междоусобій и кровопролитій, когда свобода Греціи была потеряна и такимъ образомъ прегражденъ былъ путь къ свободной гражданской дѣятельности, лучшіе люди стали искать себѣ утѣшенія въ занятіяхъ философіею, и философія эта во всѣхъ школахъ того времени привѣла субъективный характеръ *). Въ новѣйшее время аналогичное этому явленію мы видимъ въ исторіи германскаго субъективизма, которому положилъ начало своею философіею Фихте. Политическія обстоятельства, при которыхъ совершалась философская дѣятельность Фихте, были самаго неутѣшительнаго свойства: какъ извѣстно, время Фихте было временемъ владычества Наполеона I и связанныхъ съ нимъ крайнихъ неустойчивъ и униженія Германіи. Впрочемъ, субъективизмъ германской философіи конца прошлаго и первой половины настоящаго столѣтія былъ уже до извѣстной степени подготовленъ критическою философіею Канта. Вообще всякое философское ученіе есть произведеніе своего времени. Оно является, какъ продуктъ многоразличныхъ условій жизни народа, постепенно и незамѣтно подготовлявшихъ его, пока оно не созрѣетъ вполне въ народѣ и не будетъ сознано вполне кѣмъ-либо изъ его членовъ. Поэтому, начала каждаго философскаго ученія нужно искать не исключительно въ жизни и дѣятельности извѣстныхъ индивидуальныхъ умовъ, но главнымъ образомъ въ духѣ и обстоятельствахъ времени. Оидьльныя лица служатъ только выразителями и носителями философскихъ идей. Извѣстныя идеи, до которыхъ доходить умъ человѣческій путемъ постепеннаго развитія, носятя, такъ сказать, въ атмосферѣ духовной жизни народа, пока наиболѣе даровитыя лица не усвоятъ себѣ вполне и не доведутъ до полнаго сознанія этихъ идей. Послѣ того такія избранныя лица выражаютъ эти идеи въ доступной для пониманія другихъ формѣ, и такимъ образомъ онѣ дѣлаются

*) Ibid. стр. 158—166.

общимъ достояніемъ народа и всего образованнаго чело-
вѣчества. Обыкновенно думаютъ, что эти идеи въ
первый разъ зародились въ умѣ тѣхъ людей, которые
служатъ выразителями ихъ, и что онѣ вполне и все-
цѣло обязаны своимъ появленіемъ на свѣтѣ именно
дѣятельности этихъ людей. На самомъ же дѣлѣ это не
такъ. Различіе между сознаніемъ философскихъ идей
философами и усвоеніемъ ихъ массою народа лежитъ
главнымъ образомъ во времени: философы, какъ люди
съ высшими умственными дарованіями, раньше другихъ
дошли до полнаго сознанія этихъ идей; рано или позд-
но если не эти, то другіе люди пришли бы наконецъ
къ этимъ идеямъ и выразили бы ихъ съ большею или
меньшею ясностью.

Теперь иллюстрируемъ изложенныя общія сообра-
женія нѣкоторыми частными примѣрами. Зависимость
умственной жизни и дѣятельности отъ первой категоріи
условій жизни народа, какъ сказано выше, всего силь-
нѣе и замѣтнѣе въ ранніе періоды интеллектуальнаго
развитія. Чтобы фактически подтвердить это положеніе,
возьмемъ для примѣра нѣсколько философскихъ ученій
древняго міра. Впрочемъ, на характеръ этихъ ученій
вѣдла не одна только природа, но и социальныя условія
жизни народа. Поэтому древнія философскія ученія мо-
гутъ служить примѣромъ зависимости просвѣщенія и
отъ условій жизни, отнесенныхъ нами ко второй кате-
горіи.

Нѣтъ, можетъ быть, другой страны въ мірѣ, въ
которой по всему ея протяженію былъ бы такой ровный
климатъ, какъ въ Китаѣ. Отовсюду окруженный есте-
ственными границами: частью высокими горными хреб-
тами, частью морями, Китай представляетъ собою огром-
ную равнину, однообразный видъ которой, за исклю-
ченіемъ сравнительно небольшого террасообразнаго пло-
скогорія, нигдѣ не нарушается замѣтными возвышені-
ями почвы. Рѣки «срединной имперіи» не отличаются
быстротою своего теченія; онѣ спокойно и ровно несутъ
свои мутныя воды въ Тихій океанъ. Такой характеръ

страны не могъ не отразиться и на характеръ самой націи, ея населяющей. Въ самомъ дѣлѣ, національный характеръ китайцевъ поражаетъ наблюдателя своею невозмутимой ровностью и спокойствіемъ, своею холодною и безстрастностію. Почва Китая производитъ все, что нужно для жизни цѣлаго народа. Это обстоятельство, вмѣстѣ съ естественными границами, отдѣляющими Китай отъ другихъ націй, вызвало въ характерѣ китайцевъ стремленіе къ замкнутой жизни, къ отчужденію отъ другихъ народовъ, къ исключительному предпочтенію всего своего и къ пренебреженію всѣмъ иностраннымъ *). Присоединимъ ко всему этому еще вліяніе соціальныхъ порядковъ въ китайской жизни и образа правленія, и мы получимъ общія черты національнаго характера китайцевъ. То, что разумѣется обыкновенно подъ именемъ нравственной индивидуальности и субъективности, подавляется въ китайцѣ обязанностію самаго скрупулезнаго исполненія законовъ, всецѣлаго и безусловнаго подчиненія личности правамъ и обычаямъ, господствующимъ въ странѣ **). Понятно отсюда, почему философія китайцевъ представляетъ собою самый грубый матеріалистическій пантеизмъ; почему китаецъ представляетъ себѣ жизнь міра въ формѣ неизмѣнно-правильнаго, ровнаго и однообразнаго порядка, который ничѣмъ не нарушается, въ которомъ все хорошо и все течетъ своимъ неизбѣжнымъ, естественно разумнымъ путемъ; понятно также, почему нравственная сторона Китайской философіи поражаетъ отсутствіемъ всякихъ идеаловъ будущаго, своимъ консервативно-оптимистическимъ характеромъ, своею исключительной пріуроченностію къ существующему порядку вещей; почему главной обязан-

*) Weber G. Allgemeine Weltgeschichte, mit besonderer Berücksichtigung des Geistes- und-Culturlebens der Völker und mit Benutzung der neueren geschichtlichen Forschungen. Band 1. S. 34—34.

**) Веберъ, 34—35, 46.

ностью китайца служить соблюденіе порядка, установленнаго вѣками *).

Совсѣмъ другаго рода характеръ носить на себѣ умственная жизнь народа, сосѣдственнаго съ китайцами. Какъ тамъ философія отражаетъ въ себѣ особенности національнаго характера китайца, такъ здѣсь такое же значеніе имѣетъ преимущественно характеръ страны, въ которой появилась философія или, лучше сказать, теософія браминовъ, а затѣмъ буддистовъ. Природа этой страны отличается богатствомъ и разнообразіемъ величественныхъ и роскошныхъ формъ растительной и животной жизни. Здѣсь и самыя громадныя растенія, и самыя сильныя, но вмѣстѣ съ тѣмъ и самыя опасныя животныя; климатъ жаркій; почва въ изобиліи приноситъ все потребное для жизни человѣка. Вообще природа здѣсь поражаетъ человѣка необыкновеннымъ великолѣпіемъ фауны и флоры, крайнимъ разнообразіемъ, силою, красотой, роскошью всѣхъ своихъ формъ и проявленій жизни вообще. Все это неотразимо должно было дѣйствовать на психическую жизнь обитателей этой страны, развивая въ нихъ до крайней степени фантазію и чувство, и предрасполагая ихъ къ созерцательной и самоуглубленной жизни. Потому, индѣецъ, въ противоположность китайцу, по преимуществу идеалистъ. Вслѣдствіе чрезмѣрнаго преобладанія въ немъ созерцательнаго направленія, дѣйствительная жизнь съ ея дробными, разрозненными явленіями привлекаетъ его всего менѣе; онъ стремится понять все въ общемъ, въ цѣломъ, въ идеальной сущности бытія, въ противоположность бытію индивидуальному, единичному, разрозненному; онъ старается объять природу и весь міръ болѣе *in abstracto*, чѣмъ *in concreto*. Поэтому же и божество для индійца есть цѣлый міръ, вся природа во всей совокупности ея явленій и формъ, но міръ, природа, разсматриваемые не въ своей непосредственной дѣйствительности, какъ это мы видѣли въ китайской философіи, а въ своемъ

*) Ibid. 40—43. 51.

отвлеченіи, въ своей идеальной, неуловимой сущности, въ своей идеѣ. Вотъ почему философія индійцевъ представляетъ собою идеалистическій пантеизмъ. Развивая въ человѣкѣ склонность къ созерцанію, внушая ему идеалистическій взглядъ на бытіе, природа Индіи въ то же время производитъ на него тяжелое, подавляющее дѣйствіе; поэтому неудивительно, что на взглядъ индійца жизнь есть только печальная драма, полная обольщеній и разочарованій, есть только пустой, жалкій сонъ, исполненный мучительныхъ призраковъ, сновидѣній, въ которыхъ душа человѣка томится, страдаетъ.

Совершенный контрастъ съ національнымъ характеромъ китайцевъ и индійцевъ составляетъ характеръ умственной жизни и дѣятельности древнихъ грековъ. Климатъ Греціи — умеренный, но пріятный и здоровый; онъ не настолько суровъ, чтобы сдѣлать характеръ народа грубымъ и мрачнымъ, но и не слишкомъ жарокъ, чтобы расслаблять его энергію и бодрость. Почва плодородна и доставляетъ человѣку все необходимое для удовлетворенія существенныхъ его потребностей. Обильно вознаграждая трудъ человѣка, природа страны служить прочнымъ основаніемъ народнаго богатства, а съ этимъ вмѣстѣ является досугъ, столь необходимый для умственныхъ занятій. Растительное и животное царство, возбуждая любознательность человѣка, не вызываютъ въ немъ здѣсь суевѣрнаго отношенія къ себѣ. Устройство поверхности отличается чрезвычайнымъ разнообразіемъ, происходящимъ отъ того, что невысокія горы и плоскогорія здѣсь чередуются съ ровными мѣстностями и долинами. Такой видъ природы производитъ въ характерѣ народа особенную живость и подвижность. Чрезвычайно извилистая береговая линія, естественно, привлекаетъ народъ къ мореплаванію и торговлѣ, дѣлая для него удобными сношенія съ образованнѣйшими народами, плоды цивилизаціи которыхъ легко сообщаются восприимчивымъ грекамъ и усваются ихъ собственной культурѣ. Естественныя границы, раздѣляющія Грецію на множество самостоятельныхъ политическихъ единицъ, способ-

ствують развитію гражданской дѣятельности, патріотизма и стремленія къ политической и личной свободѣ. Стремленіе къ индивидуальной свободѣ необходимо отражается и на изслѣдованіяхъ природы, которыя требуютъ возможно большей свободы мысли и возможно большей независимости отъ различныхъ постороннихъ вліаній на изслѣдователя. Вообще въ Греціи все соединилось, чтобы содѣйствовать развитію здѣсь обширной и разнообразной умственной дѣятельности. Кроме того, красота и разнообразіе мѣстной природы дѣлаеть воображеніе обитателей живымъ и сильнымъ. Этимъ и обуславливается то обстоятельство, что философскій слогъ Грековъ отличается особенною пластичностью и картинностью; самыя отвлеченныя идеи грекъ старается облечь въ пластичные, конкретные образы, говорящіе не только разсудку, но и воображенію. Разнообразіемъ же природы, вмѣстѣ съ вперичичнымъ, свободолюбивымъ гениемъ греческой націи, объясняется, почему содержаніе и общій характеръ греческой философіи чужды той односторонности въ направленіи, которая отличаетъ индійскую и китайскую философію, почему философія грековъ приняла столько самыхъ разнообразныхъ направленій.

Хотя древняя философская мысль, какъ сказано выше, въ значительной степени зависѣла отъ социальныхъ условій жизни и вообще отъ культуры, однако эта зависимость, благодаря сильному вліанію природы на философію, не такъ замѣтна въ древней философіи, какъ въ новой. Поэтому, для болѣе обстоятельной провѣрки высказанныхъ общихъ соображеній относительно зависимости философіи отъ условій жизни, принадлежащихъ ко второй категоріи, возьмемъ какое-нибудь изъ новыхъ философскихъ ученій, на примѣръ, самое популярное изъ новѣйшихъ философскихъ ученій, позитивизмъ. Впрочемъ, какъ древняя философія зависѣла не только отъ природы, но и отъ народной культуры, такъ и новѣйшія философскія системы, завися главнымъ образомъ отъ социальныхъ условій и вообще отъ культуры народа, въ то же время обнаруживаютъ все-таки и вліаніе мѣстной

природы, хотя это влияние очень незначительно и имѣть только косвенное значеніе для философіи.

Позитивизмъ, какъ извѣстно, появился около половины текущаго столѣтія во Франціи (основатель этой системы, Огюстъ Контъ, умеръ въ 1857 году). Такимъ образомъ, вопросъ о томъ, насколько появленіе позитивной философіи было обусловлено народною жизнію, сводится къ двумъ частнымъ вопросамъ: во-первыхъ, почему позитивизмъ появился именно въ это время, а не раньше и не позже? Во-вторыхъ, почему онъ возникъ именно во Франціи, а не въ другой какой-либо странѣ? Для рѣшенія перваго вопроса, мы должны обратить особенное вниманіе на тѣ условія жизни, которыя указаны подъ первымъ, вторымъ и третьимъ пунктами второй категоріи, т. е. на состояніе научныхъ познаній въ данное время, на характеръ общественной жизни и на отношеніе общества къ религіи. Какъ извѣстно, еще въ XVIII вѣкѣ самую интересною и самую популярною отраслю знанія сдѣлалось естествознаніе. Еще Бэковъ выставилъ принципомъ науки то положеніе, что всякое знаніе должно оцѣниваться по той долѣ пользы, какую оно приноситъ. Но ни одна отрасль знанія не приноситъ такой очевидной, ощутительной для всѣхъ, несомнѣнной пользы, какъ естествознаніе. Поэтому, общее вниманіе обратилось въ особенности на естественныя науки, какъ на преимуществу практическія. Но требованіе пракческаго значенія отъ науки скоро переступило границы законнаго. Старая и давно уже забытая истина, что одна крайность вызываетъ другую, оправдалась и по отношенію къ естествознанію. Значеніе науки многіе стали измѣрять исключительно только ея прямою и непосредственною приложимостью къ жизни, ея очевидною практичностью, стали утверждать, что научно только полезное для жизни знаніе. При этомъ жизнь начали познать въ исключительномъ смыслѣ матеріальной жизни. Но такъ какъ только одно естествознаніе имѣетъ прямое приложеніе къ матеріальной жизни человѣка, то, естественно, возникло мнѣніе, что толь-

ко естествознаніе есть наука, всякое же другое знаніе не достойно вниманія человека: оно или мнѳологія, или схоластика, или метафизика. Впрочемъ, къ области науки отнесли и математику, по той причинѣ, что, хотя она и не имѣетъ непосредственнаго отношенія къ жизни, но за то имѣетъ прямое отношеніе ко многимъ естественнымъ наукамъ; такъ, напримѣръ, безъ математики не могла бы существовать астрономія, не могла бы достигнуть высокаго развитія физика и другія точныя науки; къ такому взгляду на область науки присоединилось еще вліяніе практическаго, утилитарнаго духа времени. Съ открытіемъ новыхъ странъ и со множествомъ изобрѣтеній техническихъ, тѣсно связанныхъ съ процвѣтаніемъ естественныхъ наукъ, чрезвычайно усилилось торговое и промышленное движеніе. Множество предприимчивыхъ людей всѣ силы своего ума и воли обратили единственно на коммерческія предпріятія, на биржевую игру, на приращеніе своихъ капиталовъ. Большинство людей стало заботиться только о томъ, какъ бы сдѣлаться богаче и получше устроить свою жизнь съ матеріальной стороны. При такомъ, чисто практическомъ, направленіи жизни, естественно, должно было окрѣпнуть мнѣніе, что только естествознаніе соответствуетъ потребностямъ и духу времени, что только оно одно есть современное знаніе; всякое же другое знаніе отжило свой вѣкъ и теперь можетъ имѣть только историческое значеніе, какъ фактъ переживанія въ культурѣ. Такимъ образомъ, взглядъ на естествознаніе, какъ на знаніе единственно научное, нашелъ себѣ поддержку въ обстоятельствахъ времени. Подобный взглядъ, конечно, не могъ бы получить широкаго распространенія, если бы къ нему не пришло еще на помощь отношеніе многихъ образованныхъ и даже ученыхъ людей прошлаго и настоящаго столѣтія къ религіи. Разрушительная дѣятельность англійскихъ деистовъ, французскихъ энциклопедистовъ и германскихъ рационалистовъ приготовила почву для распространенія антихристіанскихъ и антирелигіозныхъ идей въ Европѣ. Уже французскіе энциклопедисты (Дидро,

Д'Аламберъ и др.) были явными противниками всякой положительной религіи, а большая часть изъ нихъ и религіи вообще. Но съ особенною силою атеизмъ выраженъ былъ у французскихъ матеріалистовъ XVIII вѣка, въ сочиненіяхъ, на примѣръ, Де-ля-Метри («L'homme machine» и пр.), барона Гольбаха («System de la nature») и другихъ. Въ первой половинѣ настоящаго столѣтія антирелигіозныя идеи были уже въ сильномъ ходу въ образованной Европѣ. Вотъ главные элементы, изъ которыхъ образовался позитивизмъ Конта. Всѣ эти идеи уже давно носились въ европейскомъ обществѣ, а около половины настоящаго столѣтія достигли высшей степени своей силы и распространенія, но онѣ не были еще сведены къ одному общему принципу. Это сдѣлалъ Огюсть Контъ. Онъ усвоилъ себѣ эти идеи, какъ несомнѣнную истину, соединилъ ихъ между собою и выразилъ въ одной цѣльной системѣ. Вотъ почему явился позитивизмъ и вотъ почему онъ явился въ указанное время, а не въ другое.

Для рѣшенія втораго вопроса, т. е. почему позитивизмъ явился именно во Франціи, а не въ другой странѣ, нужно принять во вниманіе національный характеръ Французовъ, зависящій отъ природы ихъ страны. Климатъ Франціи пріятный, теплый, почва плодородна и способна приносить разнообразныя произведенія, свойственныя странамъ съ умѣренно-теплымъ климатомъ. Устройство ея поверхности очень разнообразно. Горы Франціи, пересѣкающія ее въ разныхъ направленіяхъ, не высоки; лѣса, покрывающіе ихъ, придаютъ красоту мѣстнымъ ландшафтамъ. Равнины и долины, засѣяныя по мѣстамъ различными хлѣбными, техническими и плодовыми растеніями, въ изобиліи орошаются многочисленными рѣчками и большими судоходными рѣками; берега ихъ усѣяны красивыми видами, замками, многолюдными городами и селеніями. Вся природа Франціи должна оказывать такое вліяніе на ея жителей, что въ нихъ необходимо развиваются веселость, живость характера, свѣтлый взглядъ на природу и жизнь, вообще въ нихъ дол-

жень былъ выработаться сангвиническій темпераментъ. Сангвиническій же темпераментъ обуславливаетъ собою сильную степень восприимчивости человѣка, но сравнительно слабое воздѣйствіе, т. е. на сангвиника производить сильное впечатлѣніе внѣшнія событія, но его мысль не въ такой мѣрѣ способна къ рефлексіи по поводу этихъ впечатлѣній, въ какой способна къ ней, напримеръ, меланхоликъ. Вслѣдствіе этого, сангвиникъ вообще менѣе склоненъ къ тѣмъ умственнымъ работамъ, которыя требуютъ полнаго отвлеченія отъ дѣйствительности, чѣмъ къ тѣмъ умственнымъ операціямъ, которыя, хотя тоже требуютъ большаго или меньшаго отвлеченія отъ непосредственной дѣйствительности, однако прямо относятся къ внѣшнему бытію, къ извѣстнымъ его свойствамъ. Такимъ образомъ, французы, какъ сангвиники, болѣе склонны и способны къ занятіямъ математикой и естественными науками, чѣмъ къ занятіямъ философскими науками въ тѣсномъ смыслѣ этого слова. Вотъ почему большинство лучшихъ математиковъ или естествоиспытателей—французы; вотъ почему ни одинъ изъ новѣйшихъ народовъ не сдѣлалъ такъ много для точныхъ наукъ, какъ французы. Послѣ этого понятно, что философія, полагающая въ основаніе всякаго истиннаго знанія математику и проповѣдующая, что все содержаніе научнаго знанія должно состоять только въ изслѣдованіи о явленіяхъ и ихъ законахъ и ни въ чемъ болѣе, такая философія должна была появиться скорѣе во Франціи, чѣмъ въ другой какой-нибудь странѣ.

Резюмируя все сказанное о ходѣ развитія философіи, мы приходимъ къ слѣдующимъ заключеніямъ. Какъ возникновеніе, такъ и развитіе философіи обуславливается, во-первыхъ, природою страны, населенной извѣстнымъ народомъ, во-вторыхъ общимъ умственнымъ и социальнымъ его состояніемъ и развитіемъ. Въ силу этихъ условий, философія не во всякой странѣ можетъ развиваться и, кромѣ того, для самаго возникновенія ея требуется уже извѣстная, довольно высокая, степень культурнаго развитія народа. Но не одно только возни-

ковеніе и дальшійшее существованіе философіи зависить отъ названныхъ факторовъ: они вліяють и на самое содержаніе, на специфическій характеръ философіи. Впрочемъ, вліяніе природы на философію сильно только на низшихъ ступеняхъ умственнаго развитія, да и вообще значеніе ея для философіи чисто относительное. Гораздо болѣе вліяють на философію условія культурной жизни народа, и особенно важное значеніе для нея имѣетъ общій уровень знанія въ данной странѣ и въ данное время. Такимъ образомъ, состояніе философіи каждаго народа вообще вполне зависитъ отъ условій жизни этого народа.

Тѣ общія начала, на основаніи которыхъ мы объясняли явленія въ области развитія философской мысли и философской литературы, имѣютъ одинаковое значеніе и при объясненіи различныхъ явленій въ области развитія изящной литературы. Даже нужно сказать болѣе: факты изъ исторіи философіи труднѣе поставить въ прямую связь съ условіями жизни народа, чѣмъ произведенія поэзіи, потому что всякое философское ученіе гораздо дальше отстоитъ отъ дѣйствительности, чѣмъ какое-нибудь поэтическое произведеніе. Причина понятна: каждая философская система состоитъ изъ абстрактій, болѣе или менѣе удаленныхъ отъ непосредственно даннаго; содержаніе же поэзіи всегда облечено въ конкретные образы. Съ этой стороны философія относится къ поэзіи, какъ абстрактное къ конкретному. Правда, и философія, и поэзія идеализируютъ данную дѣйствительность; но тогда какъ философская идеализація осуществляется посредствомъ понятій, поэтическая идеализація даетъ типы. Философская концепція предметовъ схватываетъ между ними только общее; поэтическая концепція объединяетъ въ одномъ художественномъ образѣ всѣ характеристическія черты данныхъ объектовъ, хотя бы эти черты встрѣчались въ нихъ отдѣльно. Отсюда понятно, что поэзіи по своей формѣ ближе стоитъ къ непосредственной дѣйствительности, чѣмъ философія. Вотъ почему всегда легче опредѣлять

связь между поэзією и данными условіями жизни, чѣмъ между философією и исторической обстановкой ея развитія. Каждое оригинальное поэтическое произведеніе почти во всѣхъ его подробностяхъ можетъ быть объяснено изъ физико-географическихъ, социальнo-политическихъ и культурно историческихъ условій, при которыхъ оно явилось. Возьмемъ для примѣра гомерическія поэмы. Прежде всего не трудно видѣть, почему этотъ первый памятникъ греческой поэзіи явился именно среди населенія Іонійскихъ колоній въ Малой Азіи. Прекрасный климатъ, выгодное географическое положеніе при морѣ, въ близкомъ сосѣдствѣ съ наиболѣе промышленными странами, предприимчивый духъ жителей, все это соединилось, чтобы вызвать здѣсь процвѣтаніе промышленности и торговли, этихъ первыхъ условій матеріальнаго благосостоянія народа. Богатство, удобства обезпеченной жизни и являющійся отсюда досугъ для развитія высшихъ интеллектуальныхъ и эстетическихъ интересовъ, содѣйствовали тому, что эти колоніи достигли цвѣтущаго культурнаго состоянія гораздо раньше своей метрополіи. Греческая философія, поэзія и исторіографія родины своей имѣютъ эти колоніи. Странствующіе рапсоды, объединенные впоследствии въ личности слѣпца Гомера, своими пѣснями удовлетворяли эстетическимъ потребностямъ націй. Въ этихъ пѣсняхъ съ большой полнотой и наглядностью отражаются природа и климатъ страны, море съ его бурями, подводными камнями и другими опасностями для мореплаванія, характеръ и нравы грековъ героическаго періода, ихъ религіозныя вѣрованія, ихъ государственныя, общественныя и домашній бытъ, съ мельчайшими подробностями, относящимися ко внѣшнему и внутреннему виду жилищъ, утвари, оружію, костюму и пр. Историки справедливо смотрятъ на гомерическія поэмы, какъ на лучшій документъ для изученія жизни грековъ въ тотъ отдаленный періодъ, который принято называть героическимъ. Вообще разсматриваемое произведеніе представляетъ продуктъ совокупнаго вліянія всѣхъ условій тогдашней жи-

зни на духовную дѣятельность его творцевъ. Тоже самое можно сказать и о каждомъ явленіи въ области литературы.

Стоя въ извѣстныхъ отношеніяхъ ко вышней природѣ и человѣческой культурѣ, явленія интеллектуальной жизни человѣчества въ то же время находятся въ близкомъ соотношеніи и тѣсной связи и между собою. Каждое интеллектуальное явленіе органически и генетически связывается съ цѣлою группою другихъ явленій того же рода. Какое бы мы ни взяли явленіе умственной жизни человѣка, мы увидимъ, что оно возникло изъ прежнихъ интеллектуальныхъ продуктовъ, что оно переплетено со множествомъ современныхъ ему интеллектуальныхъ явленій и вмѣстѣ съ этими послѣдними служитъ основаніемъ для послѣдующаго умственнаго развитія. Какъ предметъ, подлежащій развитію, умственная жизнь человѣка слѣдуетъ тѣмъ же общимъ законамъ, какіе усматриваются во всякомъ процессѣ развитія, именно законамъ дифференціаціи и интеграціи. Первый законъ состоитъ въ томъ, что развивающійся предметъ постоянно и постепенно расчленяется и осложняется, отъ простаго и однообразнаго переходитъ къ сложному и болѣе разнообразному состоянію. Второй же законъ состоитъ въ томъ, что осложненный и расчлененный путемъ дифференціаціи предметъ, по мѣрѣ этого осложненія, соединяетъ въ себѣ всѣ свои составныя части. Для поясненія процесса дифференціаціи въ исторіи умственнаго развитія, можно указать на слѣдующій примѣръ изъ исторіи литературы. Преданія и сказки, переходя отъ поколѣнія къ поколѣнію, разбиваются на отрывки, которые при дальнѣйшемъ обращеніи въ народѣ дѣлятся на отдѣльныя, еще болѣе мелкія, части. Каждый, такимъ образомъ образовавшійся, отрывокъ древней саги получаетъ самостоятельное значеніе, дополняется разными подробностями и становится особенной сказкой. Отсюда получается множество вариантовъ одного и того же основнаго сюжета, каковы, напримѣръ, варианты сказки о Лисѣ (Renard). Этому процессу распаденія одного

первоначальнаго сказанія на нѣсколько независимыхъ отрывковъ, варьирующихъ его на разные лады, противоположенъ другой процессъ — соединеніе сходныхъ преданій въ одну сагу, которая, повѣтому, отличается своею сложностью и разнообразіемъ содержанія отъ тѣхъ простыхъ и не многосложныхъ элементовъ, изъ которыхъ она выработалась: это процессъ такъ называемой интеграціи. Древнѣйшіе литературные памятники, каковы, на примѣръ, индійскія Веды, представляютъ въ смѣшеніи всѣ роды и виды литературы: драму, эпосъ, лирику, гимны, элегіи и прочее. Въ послѣдующемъ развитіи литературы эти литературные роды и виды начинаютъ выдѣляться и получаютъ самостоятельное существованіе, какъ особыя формы литературнаго творчества. Въ то же время всѣ произведенія одного рода соединяются вмѣстѣ, какъ нѣчто цѣлое, отличное отъ другихъ литературныхъ родовъ и, наконецъ, вся совокупность литературныхъ произведеній интегрируется въ одно расчлененное цѣлое подъ общимъ названіемъ литературы. Законъ дифференціаціи и интеграціи, господствующій во всѣхъ процессахъ развитія, какъ во внѣшней природѣ, такъ и въ психической жизни человѣка, составляютъ общую черту сходства между той и другою сферами бытія. Но, кромѣ этой общей черты, можно указать много бросающихся въ глаза аналогій между интеллектуальными явленіями и явленіями, совершающимися во внѣшней природѣ, физическими, химическими и биологическими. Такъ, многіе факты умственной жизни человѣка сильно напоминаютъ собою явленія химическаго средотвѣя. Сюда относятся всѣ тѣ случаи, когда изъ различныхъ элементовъ составляется новое, отличное отъ нихъ образованіе; таковы всѣ ассоціаціи по сродству и всѣ сложныя интеллектуальныя продукты, примѣрами которыхъ могутъ служить іудейско-александрійская теософія, неоплатонизмъ, гностицизмъ и другія подобныя явленія, составляющія результатъ смѣшенія разнородныхъ элементовъ. Такія же аналогіи умственная жизнь представляетъ и съ физическими я-

леніями. Подобно тому, какъ нѣкоторыя тѣла находятся въ движеніи, а другія въ покоѣ или равновѣсіи и состояніе первыхъ въ механикѣ называется динамическимъ, а вторыхъ статическимъ, такъ и въ умственной жизни человѣка—одни явленія подвержены измѣненію, другія же, напротивъ, остаются неизмѣнными, неподвижными; состояніе первыхъ можно назвать динамическимъ, а вторыхъ—статическимъ. Въ наукѣ о языкѣ статистику звуковъ составляютъ звуковые законы и соотвѣтствія, проявляющіяся въ одинъ данный моментъ существованія языка, динамика же звуковъ имѣетъ дѣло съ фактами и законами, проявляющимися въ ходѣ развитія языка. Подобное различеніе можетъ имѣть мѣсто и въ исторіи литературы. Замѣтимъ вообще, что нѣкоторые термины, употребляемые въ естественныхъ наукахъ, полезно было бы ввести въ гуманитарныя науки, для выраженія тѣхъ понятій, для которыхъ въ этихъ наукахъ еще не выработано особыхъ терминовъ; при такомъ общемъ употребленіи нѣкоторыхъ терминовъ и въ наукахъ о природѣ, и въ наукахъ гуманитарныхъ, пропасть между тѣми и другими не казалась бы столь великой, какой многимъ она представляется. Напримѣръ, законъ борьбы за существованіе, терминъ, получившій со времени появленія теоріи Дарвина такое широкое употребленіе въ биологическихъ наукахъ, очень легко могъ бы быть примѣненъ и къ явленіямъ, разсматриваемымъ въ гуманитарныхъ наукахъ. Лингвисты, дѣйствительно, употребляютъ его, и не безъ успѣха, въ приложеніи къ наукѣ о языкѣ. Терминъ этотъ съ большимъ удобствомъ можно примѣнить къ явленіямъ интеллектуальнаго развитія вообще и въ частности къ фактамъ исторіи литературы. Исторія умственнаго развитія представляетъ много фактовъ, вполне подходящихъ подъ общую идею борьбы за существованіе. Сюда относятся всѣ тѣ случаи, когда два или нѣсколько мировоззрѣній или умственныхъ направленій борются между собою за преобладаніе въ обществѣ, не рѣдко даже за самое свое существованіе. Напримѣръ, укажемъ

на борьбу христіанства въ древности съ языческою философіею и особенно съ неоплатонизмомъ, а въ новѣйшее время съ матеріализмомъ. Нашъ расколъ старообрядчества есть не что иное, какъ результатъ борьбы за существованіе старорусскаго обрядоваго благочестія съ новымъ направленіемъ церковной жизни. Въ исторіи литературы также не мало можно указать фактовъ, подходящихъ подъ законъ борьбы за существованіе. Характеромъ борьбы бываютъ особенно запечатлѣны такъ называемыя переходныя эпохи, когда происходитъ столкновеніе между старыми и новыми литературными началами. Такова борьба гуманизма съ схоластическою ученостью въ началѣ новаго времени и ложноклассическаго направленія съ ново-романтическимъ въ прошломъ столѣтіи.

Въ тѣсной связи съ закономъ борьбы за существованіе находится законъ приспособленія органической жизни къ окружающей средѣ. Законъ этотъ вполне применимъ въ объясненію многихъ явленій въ области интеллектуальнаго развитія. Для доказательства этого положенія, обратимъ вниманіе на одно изъ самыхъ интересныхъ проявленій этого закона, изслѣдованное въ послѣднее время. Мы имѣемъ въ виду явленія мимикризма въ области органической жизни, съ особенною тщательностью наблюденныя и описанныя извѣстнымъ біологомъ Уоллесомъ. Явленія эти состоятъ въ томъ, что органическое существо, приспособляясь къ данной средѣ какъ бы подражаетъ ей (отсюда и названіе мимикризма отъ греч. глагола *μιμῶμαι*—подражать). Напримеръ, многія насѣкомыя совершенно принимаютъ цвѣтъ тѣхъ древесныхъ листьевъ, на которыхъ они обыкновенно находятся. Это сходство въ цвѣтѣ помогаетъ имъ скрываться отъ своихъ враговъ и такимъ образомъ служитъ прекраснымъ средствомъ въ борьбѣ за существованіе. Ящерицы принимаютъ цвѣтъ почвы или травы, гдѣ постоянно они находятся; то же самое замѣчается относительно лягушекъ и пр. Имѣють-ли мѣсто подобныя же явленія и въ области интеллектуальнаго развитія?

мы не колеблясь можем отвѣтить на этотъ вопросъ положительно. Въ самомъ дѣлѣ, если, напримѣръ, іудейское богословіе, попавъ въ среду эллинской духовной культуры, принимаетъ въ себя многіе элементы эллинской образованности и облекается въ философскую форму платонизма, не имѣемъ ли мы права видѣть здѣсь проявленіе миметизма, т. е. одно изъ проявленій закона приспособленія, вызванное борьбою за существованіе? Не то-ли же самое случилось и съ современнымъ іудействомъ въ Германіи, гдѣ, какъ извѣстно, существовало особое направленіе раввинской учености, стремившееся объяснить іудейскую религію по началамъ гегеліанской философіи? Подобныхъ фактовъ не мало въ исторіи умственного развитія. Рядъ аналогій, представляемыхъ исторіею умственной жизни человѣчества, съ явленіями, происходящими во внѣшней природѣ, можно было бы продолжать далѣе, но и указанныхъ примѣровъ достаточно для того, чтобы видѣть, что исторія интеллектуальнаго развитія допускаетъ такіе же обобщенія, какія дѣлаются въ наукахъ о природѣ, что явленія ея представляютъ порядокъ, правильность и законность, подобныя тѣмъ, какіе замѣчаются въ явленіяхъ внѣшней природы, что поэтому интеллектуальныя явленія вполне доступны строго научному изслѣдованію. Следовательно, исторія просвѣщенія можетъ быть такою же положительною наукою, какъ и науки о природѣ. Само собою разумѣется, что все связанное объ исторіи просвѣщенія относится и къ частнымъ наукамъ, входящимъ въ ея составъ, т. е. къ исторіи литературы, науки, философіи, а равно (*mutatis mutandis*) и къ другимъ гуманитарнымъ наукамъ—къ исторіи морали, религіи, искусства, социально-политической жизни и проч.

Такимъ образомъ, гуманитарныя науки по своему научному достоинству, могутъ быть не ниже наукъ о природѣ. Правда, до сихъ поръ онѣ отставали отъ этихъ послѣднихъ въ положительности и общности своихъ выводовъ, но такая судьба всѣхъ наукъ, предметъ которыхъ отличается особенною сложностью. Чѣмъ сложнѣе

и разнообразіе явленія, изслѣдуемая въ извѣстной наукѣ, тѣмъ позднѣе эта наука возникаетъ и тѣмъ медленнѣе она доходитъ до болѣе или менѣе совершеннаго состоянія. Это положеніе вполне подтверждается всею исторіею науки. Математика и астрономія, имѣющія дѣло съ наиболѣе простыми отношеніями, прѣжде другихъ наукъ достигли сравнительно высокой степени развитія. За ними слѣдовали физика, гораздо позднѣе химія и наконецъ біологическія науки. Что же касается до социальныхъ наукъ, то онѣ появились, какъ науки, только въ новѣйшее время. Нѣкоторыя отрасли гуманитарныхъ наукъ были разрабатываемы еще въ древности, напримѣръ, общая исторія человѣчества; но эта разработка не имѣла научнаго характера, а представляла только занимательные разсказы, да болѣе или менѣе остроумныя догадки и предположенія.

Исторія просвѣщенія, какъ наука, явилась только въ послѣднемъ столѣтіи. Причина такого позднаго явленія этой науки заключается въ томъ, что предметъ ея имѣетъ особенную сложность; какъ по своему происхожденію и характеру, такъ и по своимъ разнообразнымъ отношеніямъ къ физико-географическимъ, социальво-политическимъ и культурно-историческимъ условіямъ своего развитія, явленія умственной жизни человѣчества представляютъ большія трудности для изслѣдователя, который долженъ выяснять и оцѣнить каждое изъ этихъ отношеній для того, чтобы представить въ надлежащемъ свѣтѣ то или другое изъ этихъ явленій. Вообще ни одна изъ наукъ о природѣ не имѣетъ дѣла съ такими многосложными и разнообразными объектами, какъ исторія просвѣщенія. Изъ всего этого понятно, почему исторія просвѣщенія находится не въ такомъ блестящемъ состояніи, какъ науки о природѣ.

Хотя явленія умственной жизни человѣчества могутъ и должны быть предметомъ положительной науки, но методъ ихъ разработки не можетъ быть одинаковымъ съ методомъ наукъ о природѣ. Кромѣ своего особеннаго происхожденія и характера, обуславливающаго ихъ

крайнюю сложность, явленія умственной жизни человѣчества въ ея историческомъ движеніи отличаются отъ явленій внешней природы еще тою чертою, что они суть факты прошлаго. Строго говоря, терминъ: явленіе, не приложимъ къ исторіи просвѣщенія, какъ и къ исторіи вообще. Явленіемъ мы называемъ обыкновенно какую нибудь переѣну въ феноменальномъ бытіи, происходящую въ данное (настоящее) время. Переѣну, происшедшую въ прошломъ, мы обыкновенно уже не называемъ явленіемъ, но фактомъ; напримѣръ, походъ Александра Македонскаго въ Индію теперь уже будетъ не явленіе, но фактъ. Исторія же имѣетъ дѣло съ явленіями, происходившими въ прошедшемъ; предметъ ея составляютъ факты прошлаго. Если мы называемъ историческія факты явленіями, то лишь потому, что мы не можемъ мыслить ихъ иначе, какъ представляя ихъ совершающимися, т. е. представляя ихъ въ формѣ явленій. Впрочемъ, предметомъ исторіи вообще и въ частности исторіи просвѣщенія отчасти служатъ и явленія, но не какъ переѣны, происходящія предъ глазами изслѣдователя, а какъ факты опыта въ ихъ *statu quo*; таковы всѣ вещественные и письменные памятники прошедшей жизни. Всѣ эти памятники относятся къ человѣческой дѣятельности, ихъ произведшей, какъ явленія въ статическомъ состояніи къ явленіямъ въ состояніи динамическомъ.

Какъ историческая наука, исторія просвѣщенія должна быть разрабатываема историческимъ и методомъ. Въ основаніи этого метода лежитъ понятіе о развитіи, потому что всякая исторія представляетъ собою процессъ развитія. Въ чемъ долженъ состоять историческій методъ въ приложеніи къ разсматриваемой наукѣ, это можно выяснитъ на примѣръ исторической науки о литературѣ.

Литература есть особаго рода явленіе, развивающееся по извѣстнымъ законамъ изъ данныхъ свойствъ чувственно-разумной природы человѣка, подъ вліяніемъ различныхъ условій его жизни. При объясненіи какого-

нибудь явленія, прежде всего бываетъ необходимо опредѣлить ту среду, въ которой оно происходитъ. Той средой, въ которой развивается литература, служитъ жизнь человѣка, какъ разумнаго существа. Отсюда первый шагъ въ дѣлѣ научной разработки этого предмета долженъ состоять въ выясненіи антропологическихъ данныхъ, имѣющихъ ближайшее отношеніе къ исторіи литературы. Здѣсь имѣются въ виду тѣ психо-физическія свойства, которыя лежатъ въ основѣ разумной жизни человѣка и которыми обуславливается дѣйствіе внѣшнихъ предметовъ на психическую жизнь человѣка и воздѣйствіе со стороны послѣдней. Опредѣленіе этихъ психо-физическихъ данныхъ приведетъ изслѣдователя къ раскрытію генезиса языка, какъ главнѣйшаго выраженія психической жизни человѣка. Неразрывно съ вопросомъ о происхожденіи языка связывается вопросъ о первыхъ произведеніяхъ словесности, какими у всѣхъ культурныхъ и некультурныхъ народовъ являются прежде всего самъ языкъ и, въ тѣсной связи съ нимъ, мифическія представленія. Безъ надлежащаго выясненія происхожденія языка и мифологіи нельзя правильно понимать исторію словесности, потому что первый служитъ матеріаломъ и вмѣстѣ орудіемъ словесности, а послѣдняя однимъ изъ существенныхъ элементовъ ея содержанія въ извѣстный періодъ. Поэтому, въ упомянутымъ выше антропологическимъ даннымъ должны присоединиться нѣкоторыя данныя изъ лингвистики и сравнительной мифологіи, необходимыя для правильнаго пониманія историческаго хода словесности. Изложеніе всѣхъ этихъ данныхъ, насколько оно необходимо для пониманія изслѣдуемаго предмета, составляетъ общее генетическое введеніе въ историческую науку о литературѣ. Въ концѣ этого введенія изслѣдователь приходитъ къ вопросу объ обозначеніи человѣческаго слова съ помощью условныхъ знаковъ, т. е. къ вопросу о происхожденіи письма. Изобрѣтеніе письма представляетъ первый моментъ въ исторіи литературы, какъ совокупности письменныхъ произведеній. Поэтому, исторія ли-

литературы начинается собственно съ раскрытія генезиса письма. Этотъ вопросъ составляетъ предметъ той части исторіи литературы, которую, пользуясь терминомъ естественныхъ наукъ, можно назвать эмбриологіею письменности. Въ этой части должны быть выяснены антропологическія и соціально-историческія условія происхожденія письма. Въ частности, должны быть раскрыты тѣ потребности, которыми было вызвано изобрѣтеніе письма, и тѣ цѣли, для которыхъ первоначально употреблялось послѣднее, должно быть обращено вниманіе на тѣ соціальныя группы и классы, которымъ принадлежала инициатива и функционирующая главная роль въ изобрѣтеніи и первоначальному употребленію письма (жреческія корпораціи, административныя и коммерческія слои общества и проч.), должны быть опредѣлены физико-географическія и бытовыя условія, при какихъ первоначально развивалось письмо и, наконецъ, должны быть указаны элементы и первоначальныя формы письма у разныхъ народовъ. Послѣ раскрытія происхожденія письменности, изслѣдователю остается перейти къ разсмотрѣнію памятниковъ ея, но прежде онъ долженъ имѣть въ виду порядокъ, въ которомъ долженъ быть даваться историко-литературный матеріалъ. Распределеніе историко-литературнаго матеріала по извѣстнымъ группамъ имѣеть такое же значеніе, какое въ естественныхъ наукахъ имѣеть классификація. Эту часть науки можно назвать систематикой историко-литературнаго матеріала. Систематика исторической науки о литературѣ не тождественна съ систематикой теоріи литературы. Въ этой послѣдней наукѣ произведенія литературы раздѣляются на роды, виды и разновидности по особенностямъ ихъ содержанія и формы; въ исторіи же литературы распределеніе ихъ имѣеть историческій характеръ и основывается на географическихъ, этнографическихъ и хронологическихъ отношеніяхъ. Такъ какъ литературныя произведенія тѣсно связаны съ языками, на которыхъ они написаны, то въ распределеніи историко-литературнаго матеріала удобнѣе всего слѣдовать класси-

фикаціи самихъ языковъ. Въ современной лингвистикѣ принято раздѣленіе языковъ по генеалогическому принципу, по которому всё языки раздѣляются на семь группъ: 1) аrio-европейскую, 2) семитическую, 3) хамитическую, 4) финско-татарскую, или урало-алтайскую, 5) дравидійскую, или деканскую, 6) полинезійскую и 7) южно-африканскую *). Литература существуетъ не на всѣхъ этихъ языкахъ, но, главнымъ образомъ, на языкахъ, принадлежащихъ къ двумъ первымъ группамъ и отчасти двумъ слѣдующимъ. Аrio-европейская группа языковъ состоитъ изъ слѣдующихъ идиомовъ: ивдійскаго, персидскаго, греческаго, латинскаго, кельтскаго, германскаго, литовскаго и славянскаго. Литература существуетъ также не на всѣхъ этихъ языкахъ. На литовскомъ языкѣ вовсе не сохранилось памятниковъ письменности; памятниками же кельтской письменности служатъ только такъ называемыя руническія надписи на камняхъ, найденныя во Франціи и Англии. Семитическая группа состоитъ изъ языковъ: финикійскаго, еврейскаго, сиро-халдейскаго и арабскаго. Финикійскій языкъ до настоящаго времени совсѣмъ не сохранился; существуетъ только мнѣніе, что первая письмена была изобрѣтена для этого языка; но всего вѣроятнѣе, что она появилась одновременно въ нѣсколькихъ странахъ. На остальныхъ семитическихъ языкахъ существуютъ болѣе или менѣе обширныя литературы. Руководствуясь генетической классификаціей языковъ, изслѣдователь исторіи литературы можетъ и долженъ принимать во вниманіе также хронологическія данныя, какъ руководственный начала для распредѣленія историко-литературнаго матеріала. На основаніи хронологическихъ данныхъ изложеніе исторіи семитическихъ литературъ должно предшествовать изложенію исторіи аrio-европейскихъ литературъ, такъ какъ развитіе первыхъ началось раньше послѣднихъ. Такимъ образомъ, систематика историко-ли-

*) П. А. Водуанъ-де-Куртене. Нѣкоторыя общія замѣчанія о языковѣдѣніи и языкѣ. Ж. М. Н. П. 1871 г. февраль.

тературнаго матеріала служить непосредственнымъ введе-
ніемъ въ изложеніе частныхъ литературъ, которое со-
ставляетъ предметъ особой части исторической науки о
литературѣ, именно прагматической исторіи частныхъ
литературъ. Въ этой части науки собственно и прила-
гается историческій методъ изслѣдованія. Исходнымъ
началомъ этого метода, какъ сказано выше, служить по-
нятіе развитія. Изложеніе историко-литературнаго матері-
ала должно имѣть такой характеръ, чтобы всё рассмат-
риваемыя явленія находились между собою во внутренней
органической связи и въ своей совокупности составляли
однакъ процессъ развитія. Этимъ требованіемъ уже опре-
дѣляется другое руководительное начало историческаго
метода, именно принципъ этиологическій, состоящій въ
томъ, что для каждаго явленія должна быть указана из-
вѣстная причина. Напротивъ, телеологическому принци-
пу должно быть даваемо какъ можно меньше значенія,
потому что съ субъективной точки зрѣнія можно навязать
историческому ходу литературы такія цѣли, какія
въ немъ вовсе не преслѣдовались. Правда, литература,
какъ явленіе, развивающееся въ области разумной жиз-
ни человѣка, есть дѣло въ одно и то же время и сво-
боды, и необходимости, но самая свобода человѣка со-
стоитъ не въ произволѣ, а въ выборѣ между различны-
ми мотивами. Эти мотивы и отношеніе къ нимъ чело-
вѣка служатъ причинами человѣческихъ дѣйствій. По-
этому, признавая, что каждое литературное явленіе
обусловливается извѣстными причинами, мы вовсе не
отрицаемъ участія свободной воли человѣка въ ходѣ
развитія литературы. Говорять, что человѣкъ въ своихъ
дѣйствіяхъ преслѣдуетъ извѣстныя цѣли; но то, что съ
субъективной стороны представляется, какъ цѣль, съ
объективной стороны оказывается причиною. Въ наукѣ,
для избѣжанія сбивчивости понятій, проистекающей отъ
того, что одно и то же обстоятельство опредѣляется то
какъ цѣль, то какъ причина, лучше держаться одного
уже принципа—этиологическаго.

Каждое явленіе въ исторіи литературы, стоя въ известной причинной связи съ дѣлюю группой явленій того же рода, вмѣстѣ съ тѣмъ въ значительной степени зависитъ отъ той среды, въ которой оно развивается. Подъ этой средой разумѣются природа и исторія, опредѣляющія собою ходъ развитія литературы. Отсюда вытекаетъ третье руководительное начало историко-литературнаго метода: изслѣдователь всегда долженъ ясно представлять себѣ тѣ физико-географическія, социальнополитическія и другія культурно-историческія условія, среди и подъ вліяніемъ которыхъ происходитъ развитіе литературы даннаго народа. Впрочемъ, въ исторіи литературы есть много такихъ фактовъ, которые не могутъ быть объяснены ни изъ хода развитія литературы известнаго народа, ни изъ различныхъ условій жизни этого народа. Такіе факты могутъ быть объяснены только при ближайшемъ знакомствѣ съ литературами другихъ народовъ, которыя часто вліяютъ одна на другую путемъ перехода литературныхъ произведеній отъ одного народа къ другому и путемъ подражанія. Такимъ образомъ, чисто историческій методъ оказывается недостаточнымъ для объясненія всѣхъ литературныхъ фактовъ, но является еще необходимость сравнивать между собою литературы разныхъ народовъ. На этомъ основывается употребленіе сравнительнаго метода въ современной исторической наукѣ о литературѣ. Въ новѣйшее время сравнительный методъ начали прилагать съ большимъ успѣхомъ къ различнымъ наукамъ о природѣ; явились сравнительная анатомія и сравнительная физиологія. Затѣмъ методъ этотъ былъ примененъ къ некоторымъ гуманитарнымъ наукамъ, и всѣмъ известно, къ какимъ блестящимъ результатамъ привелъ онъ въ наукахъ о языкѣ и мѣологіи. Важность и плодотворность этого метода заключается въ томъ, что онъ содѣйствуетъ раскрытію общихъ законовъ и типовъ развитія изслѣдуемыхъ явленій. Въ исторіи литературы сравнительный методъ, давая возможность объяснить такіе факты, для объясненія которыхъ оказывается недостаточнымъ чисто исто-

рической методъ, съ тѣмъ вмѣстѣ, какъ и въ другихъ наукахъ, приводитъ къ открытію общихъ основныхъ законовъ и формъ развитія литературы. Сравнивая между собою литературы разныхъ народовъ въ ихъ историческомъ развитіи, изслѣдователь замѣчаетъ многія общія черты, принадлежащія всѣмъ литературамъ, отдѣляетъ эти черты отъ особенностей литературнаго развитія, опредѣляемыхъ національными и мѣстными условіями жизни каждаго народа и заключаетъ ихъ въ опредѣленные общія формулы. На основаніи такихъ обобщеній и выводовъ, добытыхъ путемъ сравненія различныхъ частныхъ литературъ въ ихъ историческомъ развитіи, можетъ быть построена философія исторіи литературы. Въ этой части исторической науки о литературѣ должны быть раскрыты общіе историко-психологическіе законы и основные типы литературнаго развитія, по которымъ можетъ быть построена теорія всего процесса развитія литературы, какъ особаго явленія въ жизни человѣчества. Здѣсь же должно быть указано значеніе литературы въ социальной и личной жизни и должны быть опредѣлены ея отношенія къ другимъ высшимъ проявленіямъ разумной жизни человѣчества: наукѣ, философіи, религіи, морали, праву, воспитанію и пр. Такимъ образомъ, въ планъ исторической науки о литературѣ должны входить слѣдующія части: 1) общее генетическое введеніе, предлагающее нѣкоторыя данныя изъ антропологии, лингвистики и сравнительной мѣологии, необходимыя для пониманія процесса развитія словесности и литературы; здѣсь же рассматривается эмбриональный процессъ литературы и дѣлается систематика историко-литературнаго матеріала; 2) прагматическая исторія частныхъ литературъ и 3) философія исторіи литературы. Этимъ планомъ опредѣляются особенности метода изслѣдованія въ приложеніи къ различнымъ частямъ исторической науки о литературѣ. Первая часть составляется отчасти на основаніи данныхъ изъ другихъ наукъ, и потому методъ ея долженъ быть сообразенъ съ этими науками, но литературная эмбриология должна быть разрабатываема специаль-

нымъ историко-психологическимъ методомъ, хотя въ ней большое значеніе имѣетъ и сравнительный методъ. Вторая часть разрабатывается сравнительно-историческимъ методомъ. Наконецъ, третья часть строится при помощи дедуктивнаго метода, такъ какъ въ ней излагаются выводы и обобщенія того, что изложено въ предшествующихъ частяхъ.

Остается еще сказать нѣсколько словъ о практическомъ значеніи исторіи просвѣщенія вообще и исторіи литературы въ особенности. Говорятъ, что эти науки вовсе не приложимы къ жизни человѣка, слѣдовательно не имѣютъ никакого практическаго значенія. Для того, чтобы опредѣлить, насколько справедливъ этотъ взглядъ, нужно напередъ согласиться относительно того, какъ понимать самую жизнь человѣка. Если подъ жизнью человѣка разумѣть только внѣшнія, физическія отправления и физическое его развитіе, то нужно сказать: да, исторія просвѣщенія и исторія литературы, вмѣстѣ со всеми гуманитарными науками, не имѣютъ никакого практическаго значенія, потому что прямо и непосредственно эти науки не могутъ содѣйствовать матеріальному прогрессу человѣчества, подобно наукамъ о природѣ, въ особенности подобно физикѣ, химіи и біологіи, съ ихъ прикладными науками (технологія, медицина и пр.) Но если подъ жизнью человѣка разумѣть, кромѣ физическихъ отравленій его организма, еще проявленія психической жизни, тогда вопросъ получаетъ другое рѣшеніе. Психическая жизнь человѣка также имѣетъ свои отправления и свои потребности, и эти потребности также требуютъ себѣ удовлетворенія, какъ и потребности физическаго организма. Мы не будемъ здѣсь говорить о томъ, какое глубоко-образовательное и развивающее значеніе имѣетъ изученіе исторіи просвѣщенія вообще и исторіи литературы въ частности; не будемъ также указывать на то, что изученіе произведеній литературы, а слѣдовательно и исторіи литературы, оказываетъ моральное, облагораживающее вліяніе на жизнь человѣка. Здѣсь достаточно указать на то, что если въ

разумной жизни отдѣльных лицъ и цѣлыхъ обществъ имѣютъ какое-нибудь значеніе идеалы и вообще высшія, истинно-гуманныя начала жизни и дѣятельности, то исторія просвѣщенія и, въ частности, исторія литературы — науки вовсе не безполезныя для самой практической жизни. Въ этихъ наукахъ и особенно въ исторіи литературы раскрывается развитіе идеаловъ человечества въ разныя эпохи его исторической жизни, равнымъ образомъ раскрывается развитіе высшихъ, истинно-гуманныхъ проявленій человеческой природы. Для яснаго сознанія и вѣрной оцѣнки идеаловъ и вообще высшихъ принциповъ человеческой жизни, господствующихъ въ данное время и въ данномъ обществѣ, исторія ихъ представляетъ самое лучшее пособіе. Кромѣ того, выводы исторіи просвѣщенія и, въ частности, исторіи литературы могутъ имѣть немаловажное значеніе при рѣшеніи вопросовъ философскихъ, религіозныхъ, нравственныхъ и социальныхъ.
